

Г. А. Ильинский

**Значение Афона в истории
славянской письменности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Г11

Г11 **Г. А. Ильинский**
Значение Афона в истории славянской письменности / Г. А. Ильинский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-518-06570-3

Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. Часть XVIII.
1908. Ноябрь

ISBN 978-5-518-06570-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗНАЧЕНІЕ АЕОНА ВЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

На южномъ берегу Македоніи лежитъ Халкидическій полуостровъ, который тремя длинными, довольно широкими косами глубоко вдается въ Эгейское море. Самый восточный изъ этихъ полуострововъ, омываемый на востокъ Стримонскимъ заливомъ, а на западъ—Сингитскимъ, называется *Аеономъ* (въ древности *Акти*). Въ геологическомъ отношеніи онъ представляетъ собой не что иное, какъ естественное продолженіе южно-македонскихъ горъ; начинаясь у самого перешейка, аеонскій горный кряжъ по направленію къ югу постепенно возвышается, достигая у моря исполнискон высоты (2 версты). На всемъ своемъ восьмидесятиверстномъ протяженіи отъ перешейка до мыса, эта гора представляетъ собой сплошную панораму картинъ природы волшебной красоты, которая уже давно заслужила ей славу одного изъ поэтичнѣйшихъ уголковъ Европы.

Но еще болѣе, чѣмъ поэтическимъ, Аеонъ славится своимъ *православнымъ ореоломъ*: на всемъ православномъ востокѣ онъ называется обыкновенно не иначе, какъ *Святою Горю* (греч. "Άγιος βρος, болг. и серб. *Света гора* и т. д.). И въ извѣстномъ смыслѣ вполне заслуженно: въ теченіе почти всего существованія Византійской имперіи, она была „центромъ византійскаго средневѣковаго монашества, главнымъ пунктомъ религіозно-созерцательной жизни Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ главною хранительницею церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, неборимой твердыней православія, Ватиканомъ Востока“¹⁾.

Если, такимъ образомъ, Аеонъ не совсѣмъ безъ основанія для

¹⁾ *Соколовъ*, Состояніе монашества въ византійской церкви. Казань, 1904, стр. 214—216.

многихъ миллионовъ людей самой различной національности и теперь является „Святою Горою“, то не менѣе священна она и для тѣхъ искателей истины, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ руководятся только чистымъ интересомъ знанія ради знанія, ничего не оплакивая и ни о чемъ не сожалея, а стараясь только *понимать* и *понимать*. И для такихъ изслѣдователей „Святая Гора“ священна, но священна, конечно, не аскетическими подвигами ея обитателей, а прежде всего—своими безцѣнными историческими, часто единственными въ своемъ родѣ реликвіями. И никогда не кончилъ бы своей статьи, если бы ограничилъ ея содержаніе только голымъ перечнемъ тѣхъ неисчерпаемыхъ источниковъ всяческаго поученія, которые скрываются въ архивахъ, бібліотекахъ, ризницахъ, церквахъ, башняхъ и подвалахъ 20 монастырей Афона и его безчисленныхъ скитовъ и келій. Работники всевозможныхъ специальностей находили, находятъ и будутъ находить въ нихъ огромное и во многихъ отношеніяхъ еще дѣйственное поле для своихъ изысканій. Будетъ ли это лингвистъ, онъ найдетъ здѣсь памятники языка глубокой древности и съ весьма важными и интересными чертами фонетики и морфологіи; будетъ ли это классикъ, онъ найдетъ здѣсь весьма цѣнные списки произведеній древнихъ авторовъ; будетъ ли онъ историкъ славянской или византійской литературы, онъ на каждомъ шагѣ можетъ брать здѣсь полными пригоршнями нужный ему матеріалъ; будетъ ли онъ палеографъ, онъ всегда встрѣтитъ тутъ первостепенные рукописные памятники, нерѣдко притомъ единственные въ своемъ родѣ; будетъ ли онъ археологъ или историкъ искусства, онъ найдетъ тутъ великолѣпные образцы византійской архитектуры, живописи, нѣкоторыхъ художественныхъ издѣлій и пр.; будетъ ли онъ историкъ культуры, къ его услугамъ явятся на Афонѣ цѣлыя горы еще неизданныхъ документовъ и грамотъ на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и другихъ языкахъ, и т. д. Словомъ, среди представителей гуманитарнаго знанія нѣтъ специалиста, которому книжныя и другія сокровища Афона не могли бы дать въ научномъ отношеніи столько, сколько онъ можетъ взять.

Такое огромное и единственное въ своемъ родѣ значеніе Афона для современнаго научнаго знанія обусловлено такимъ же огромнымъ и всеобъемлющимъ вліяніемъ, которое оказывалъ Афонъ на духовную жизнь Византіи и ея культурныхъ спутниковъ: какъ извѣстно, отъ лучей византійской образованности,—лучей то животворныхъ, то мертвящихъ,—не могъ укрыться ни одинъ уголокъ Балканскаго полуострова; не могли избавиться отъ ея чаръ и славянскіе народы, и

о значеніи въ ихъ жизни Византіи можно съ полнымъ правомъ перефразировать то, что одинъ новѣйшій историкъ Сербіи сказалъ о вліяніи Восточной имперіи на сербовъ: „вся политическая и культурная жизнь балканскихъ славянъ вплоть до нашествія турокъ настолько сплетена съ византійской исторіей и проникнута византійскими вліяніями, что византійско-славянскія отношенія въ первые десять вѣковъ славянской исторіи составляютъ сущность славянской исторіи“ ¹⁾. Но если такъ, то духовный центръ Византіи—Аеонъ одновременно былъ духовнымъ центромъ и православныхъ славянъ Балканскаго полуострова, и все, что мы знаемъ о значеніи его для первой, *mutatis mutandis* должно быть повторено и относительно послѣднихъ.

Какія же причины поставили Аеонъ на такое безпримѣрное и исключительно-почетное положеніе въ огромномъ греко-славянскомъ мірѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ этой удивительной горы.

Образованіе аеонской монашеской общины теряется въ глубокой древности. По однимъ, первые анахореты появились на Аеонѣ въ царствованіе Константина Великаго (306—337), по другимъ—Констанція (337—361), по третьимъ—Феодосія Великаго (379—395), по четвертымъ—Ареадія (395—408), по пятымъ—императрицы Пульхеріи (V в.) и т. д., но всѣ эти преданія отличаются легендарнымъ характеромъ, и одно можно сказать съ достовѣрностью, что келліоты появились на Аеонѣ уже въ первыя времена существованія монашества на Востоцѣ. Они были разсѣяны по всей Горѣ, не имѣли общей организаціи, но были подчинены монастырю Іоанна Колова (вблизи Іериссо). Такъ какъ жители окрестныхъ селъ, какъ и сама братія монастыря, постоянно препятствовали отшельникамъ заниматься ихъ дѣломъ, самовольно пользуясь ихъ лѣсами и пастбищами, то они испросили въ 872 г. у императора Василя Македонянина охранную грамоту, а когда она не подѣйствовала, то сынъ его Левъ Мудрый особымъ хризовуломъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ зависимости отъ коловитовъ. Съ тѣхъ поръ аеонскіе отшельники наслаждались относительнымъ покоемъ, до тѣхъ поръ, пока арабы не завладѣли островомъ Критомъ и не начали оттуда дѣлать свои опустошительные набѣги на греческіе острова и побережье. Нечего говорить, что и Аеонская Гора не избѣжала ихъ многократныхъ нашествій, результатомъ которыхъ было почти полное раззореніе Святой Горы, потерявшей

¹⁾ *Станојескић*, Византија и серби, I, III.

почти все населеніе: одни монахи были язбиты, другіе были уведены въ плѣтъ, а третьи разбѣжались.

Новый періодъ въ жизни Аеоны начинается съ серединою X вѣка. Около этого времени (именно около 963 г.) на Аеонъ прибылъ инокъ Аеоанасій, котораго историки Святой Горы съ рѣдкимъ единодушіемъ называютъ первымъ законодателемъ и основателемъ монашеской республики. Онъ родился въ семьѣ одного трапезундскаго вельможи. По окончаніи образованія въ Константинополѣ, юноша Авраамій, уже тогда проникнутый пламеннымъ стремленіемъ къ аскетизму, предпочелъ открывавшейся передъ нимъ блестящей политической карьерѣ монашескую еллію на пустынной горѣ Кимині въ Вонціи. Здѣсь онъ близко сошелся съ ея игуменомъ Михаиломъ Малериномъ, черезъ посредство котораго онъ познакомился и съ его племянникомъ, Никифоромъ Фокой, однимъ изъ величайшихъ полководцевъ Византіи и ея будущимъ повелителемъ. Въ то время Византія переживала эпоху особеннаго духовнаго, въ частности, религіознаго подъема. „Въ воздухѣ, говоритъ проф. Гельцеръ, вѣяло крестовымъ проходомъ. Длинный рядъ блестящихъ побѣдъ очень укрѣпилъ самочувствіе византійцевъ. Истинное дитя этого времени былъ императоръ Никифоръ. Аеоанасій былъ его духовнымъ дѣтцомъ и сопровождалъ его въ знаменитой экспедиціи на островъ Критъ, который черезъ полтора вѣка опять былъ вырванъ изъ рукъ невѣрныхъ. Въ благочестивомъ экстазѣ Никифоръ обѣщалъ своему другу вступить вмѣстѣ съ нимъ въ число аеоонскихъ монаховъ. Тѣмъ болѣе былъ разгнѣванъ Аеоанасій, когда Никифоръ 16-го августа 963 г. велѣлъ возложить на себя корону. Монахъ поспѣшилъ въ Константинополь и осыпалъ царя горячими упреками. Но послѣдній далъ слово презирать свою корону и величіе и жить на подобіе монаха" (Vom heiligen Berge und aus Makedonien, S. 16). Это обѣщаніе царя до известной степени примирило съ нимъ суроваго монаха. Вернувшись на Аеонъ, онъ приступилъ къ постройкѣ древнѣйшаго монастыря на Горѣ—Великой Лавры, которая особымъ императорскимъ хризовуломъ была потомъ объявлена независимой отъ воли духовной или свѣтской власти. Аеоанасій былъ назначенъ ея игуменомъ, съ правомъ выбирать себѣ преемника. Онъ составилъ для братіи монастыря особый типикъ, проникнутый крайне суровымъ, ригористическимъ духомъ; между прочимъ, уже здѣсь мы читаемъ знаменитое постановленіе, что на территорію монастыря не смѣетъ вступать не только женщина, но и вообще животное женскаго пола. Этотъ уставъ послужилъ основой для общеаеоонскаго типика (тамъ

называемаго „трагоса“), утвержденнаго въ 971 г. императоромъ Цимисхиємъ.

Вскорѣ послѣ этого, другъ св. Аѳанасія Іоаннъ Иверіецъ, т. е. Грузинъ, построилъ Иверскій монастырь (985 г.), за которымъ одинъ за другимъ стали возникать и другіе. Таковы были, напримѣръ, монастыри: Каракалла, построенный римскими выходцами и названный такъ по имени римскаго монаха Антонія Каракаллы; Кутлумушъ, основанный, по всей вѣроятности, однимъ изъ членовъ византийской фамиліи Кутлумушей; Ватопедъ, возобновленный въ 980—997 г. тремя адрианопольскими вельможами изъ одной очень древней монашеской обители; Ставреникита, названный такъ по имени одного знатнаго мужа, возстановившаго монастырекъ во имя Чудотворца Николая, который существовалъ уже во время Константина Погонага; Филоеу, считающій своимъ обновителемъ монаха Филоея и возникшій на мѣстѣ прежняго Фтерійскаго монастыря; Есфигмену, братство котораго составилось изъ жителей села Сфиги (въ Ѳессалии), имя котораго и теперь еще живетъ въ названіи монастыря; Зографскій, основанный въ 911 г. греческимъ монахомъ Георгіємъ Зографомъ, т. е. живописцемъ, и многіе другіе. Аѳонъ быстро завоевалъ славу монашескаго рая, въ который и начали отовсюду стекаться любители аскетизма: уже въ годъ смерти Аѳанасія (1000 г.) число монаховъ достигало почтенной цифры 3.000 душъ.

Кончина великаго организатора аѳонской монашеской общины Аѳанасія не задержала ея пышнаго расцвѣта въ XI вѣкѣ. Несмотря на частыя нападенія арабовъ, и несмотря на вредное вліяніе колонистовъ-мірянъ на установившійся строй жизни на Аѳонѣ, авторитетъ аѳонской общины настолько возросъ на всемъ православномъ Востоцѣ, что въ новомъ уставѣ ея, утвержденномъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ въ 1046 г., Аѳонъ уже официально называется *Святою Горюю* (τὸ Ἅγιον Ὄρος); и не напрасно: изъ этого же устава видно, что въ то время на Аѳонѣ было уже до 180 монастырей. Изъ нихъ въслѣдствіи особенно прославились, кромѣ приведенныхъ выше 4 обителей, еще слѣдующія: Дохіаръ, названный по имени своего основателя Дохіара и посвященный св. Николаю; другая обитель св. Николая, возобновленная въ первой половинѣ XIII вѣка болгарскимъ монахомъ Григоріємъ, и потому носящая теперь имя Григоріата; Ксиропотажскій монастырь, основанный въ X вѣкѣ болгарскимъ царемъ Петромъ для князя Павла Ксиропотажскаго (въ міру Рангабе), одного изъ первыхъ распространителей христіанства въ Болгаріи. Въслѣдствіи

этотъ монастырь получилъ имя своего перваго игумена преп. Павла, а названіе Ксиропотамскаго перешло на Стратоникійскую обитель Никифора. Для насъ особенно важно констатировать въ это время увеличеніе числа славянскихъ монаховъ, изъ которыхъ болгарскіе между 1046 и 1049 гг. обзавелись даже собственнымъ монастыремъ, занявъ греческій монастырь Зографа. За болгарамъ послѣдовали и русскіе: какъ извѣстно, основатель русскаго монашества преп. Антоній прошелъ школу аскетизма на Аѳонѣ; и теперь еще, близъ монастыря Есфигмену, показываютъ пещеру, гдѣ онъ подвизался. Но объединиться въ собственномъ монастырѣ русскимъ удалось значительно позже — послѣ 1143 г., когда они взяли въ свое владѣніе монастырекъ „Богородицы Ксилургу“.

Вообще, въ XI вѣкѣ Святая Гора пользовалась постояннымъ вниманіемъ византійскихъ вѣсарей, которые не упускали случая поддержать матеріально то тотъ, то другой монастырь. Благодаря этому, уже тогда Аѳонъ не могъ жаловаться на бѣдственное положеніе. Но вершины своего вѣдшннго блеска онъ достигъ въ царствованіе Комниновъ. Алексѣя I (1081 — 1118) и Іоанна (1118 — 1143). Оба въ полномъ смыслѣ слова осыпали всевозможными дарами и привилегіями скромныя обители Аѳона. „Святые отцы!—писалъ Алексѣй аѳонскимъ монахамъ,—вы, обитающіе на божественной и святой Горѣ! Знайте, что какъ Константинополь есть царь городовъ и выше всѣхъ ихъ, такъ и царственнѣйшая и божественная ваша Гора превосходитъ всѣ горы вселенной, вы же, по Писанію,—нашъ свѣтъ и соль. Мы такъ думаемъ и такъ вѣримъ. И не только царство христіанъ, но и всѣ вокругъ насъ живущіе народы вѣстѣ съ нами радуются вашей жизни въ Богѣ. Итакъ радуйтесь и молитесь о нашей державѣ и о всемъ мірѣ. Честныя же и святыя молитвы ваши да подарятся намъ и помогутъ въ часъ нашего исхода“ (Соколовъ, ук. соч. 247—248). Свое преклоненіе передъ авторитетомъ Святой Горы Алексѣй показалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, торжественно освободивъ ее отъ всѣхъ податей и налоговъ и строжайшимъ образомъ запретивъ чиновникамъ вѣдшнваться въ дѣло монашеской общины. Мало того, ни одинъ епископъ (хотя бы имъ былъ самъ константинопольскій патріархъ), не могъ навязывать своихъ рѣшеній аѳонскимъ монахамъ.

Царствованіе Комниновъ, столь благотѣльное для Аѳона вообще, составило эпоху и въ исторіи славянскихъ монастырей. При преемникѣ императора Алексѣя, Мануилѣ, русскіе монахи такъ размножились на Аѳонѣ, что имъ стало мало одной тѣсной обители Ксилургу, и они

обратились къ проту Святой Горы съ просьбой передать имъ одинъ изъ большихъ монастырей. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было назначить имъ для обитанія монастырь св. Пантелеймона, а Ксилургу поставить въ зависимость отъ послѣдняго. Это было въ 1169 г. Но новый монастырь служилъ пріютомъ не только русскихъ, но и южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. Здѣсь, между прочимъ, нашелъ первое прибѣжище (1186 г.) и принялъ постриженіе сынъ великаго жупана Сербіи Стефана Немани Растко, впоследствии сыгравшій огромную роль въ исторіи родного народа какъ архіепископъ Сербіи. Изъ Русска Савва перешелъ потомъ въ монастырь Ватопедъ, гдѣ въ скоромъ времени нашелъ себѣ товарища—въ лицѣ своего отца, который, тоскуя о своемъ любимомъ сынѣ, также постригся въ монахи и принялъ имя Симеона. Но отрекаясь отъ міра, онъ не отрекся отъ любви къ родинѣ, и, безъ сомнѣнія, это чувство вызвало въ немъ желаніе основать для сербовъ особый монастырь. Для этой цѣли онъ возстановилъ изъ развалинъ одинъ старый монастырекъ, носившій имя Хиландарь и посвященный Богоматери, особымъ хризовуломъ (1198—1199) подарилъ ему обширныя земли и выхлопоталъ другія у императора Алексѣя III. Кромѣ того, по просьбѣ основателя, монастырь получилъ названіе царской лавры и былъ освобожденъ отъ подчиненія проту. Но полного внутренняго и внѣшняго благоустройства монастырь достигъ по смерти Симеона (1200), когда во главѣ его сталъ Савва, составившій для монастыря особый типикъ.

Вскорѣ послѣ этого Хиландарю и другимъ аеонскимъ монастырямъ пришлось выдержать цѣлую бурю нашествія съ Запада. Катастрофа, постигшая въ 1204 г. Византійскую имперію, подпавшую подъ власть франковъ, была тяжелымъ ударомъ и для Аеона: въ политическомъ отношеніи онъ долженъ былъ признать надъ собой власть Солунскаго „короля“, маркиза Монфератскаго Бонифатія, а въ церковномъ отношеніи долженъ былъ подчиниться легату кардиналу Бенедикту. Это открыло широкое поле не только для разнаго рода происковъ со стороны латинскихъ прелатовъ, но и для настоящихъ разбойническихъ экспедицій. Такъ, въ 1259 г. Иверскій монастырь былъ разграбленъ франками. И Есфигмену и Хиландарю также не избѣжали нападеній западно-европейскихъ пиратовъ. Эти бѣдствія заставили аеонскихъ монаховъ обратиться съ просьбой о помощи даже къ римскому папѣ Иннокентію III, который и принялъ ихъ подъ покровительство папскаго престола.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, что нигдѣ реставрація

Византийской имперіи (1262 г.) такъ не привѣтствовалась, какъ на Афонѣ. Вернувшись въ столицу предковъ императоръ Михаилъ Палеологъ щедро одарилъ афонскіе монастыри и подтвердилъ дарственные хризовулы своихъ предшественниковъ. Также поступили и его потомки. Только политическая независимость Афона потеряла нѣкоторый ущербъ, когда, при императорѣ Андроникѣ, противъ Святой Горы были подчинены константинопольскому патріарху (1313 г.), а епископъ города Іериссо сталъ епископомъ всей Горы.

Вскорѣ послѣ этого мирная Афонская Гора окуталась въ бурное море догматическихъ споровъ и партійныхъ раздоровъ. Быть можетъ, не безъ вліянія богомилскаго ученія, среди афонскихъ пустынниковъ и аскетовъ возникла своеобразная мистическая секта, которая утверждала, что всякій върующій можетъ увидѣть Бога, если онъ долгинъ и неподвижно-устремленнымъ взоромъ будетъ смотрѣть на свой путь; прійдя въ экстазъ, онъ-де увидитъ тогда и лучи славы, которыми Христосъ былъ окруженъ на Фаворской горѣ. Этотъ свѣтъ, по мнѣнію нсихастовъ, былъ не матеріальнаго, а божественнаго происхожденія. Ученіе нсихастовъ взялъ подъ свое покровительство солунскій митрополитъ Григорій Палама, и словомъ и перомъ защищалъ его отъ такихъ талантливыхъ и сильныхъ противниковъ, какими были нѣвѣстный историкъ Никифоръ Григора и особенно Варлаамъ, греческій монахъ изъ Калабріи и горячій приверженецъ уніи съ Римомъ. Язвительныя насмѣшки послѣдняго надъ нсихастами вызвали среди нихъ такое озлобленіе, что они подали официальную жалобу на Варлаама. Въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ противники афонскихъ монаховъ были преданы проклятію (1351 г.). „Мистицизмъ, говоритъ проф. Гельцеръ, одержалъ блестящую побѣду. Это было въ то же время пораженіе схоластики, т. е. рациональнаго характера западно-европейскаго богословія, которое на греческой почвѣ не могло получить права гражданства. Но такое уже было рокомъ великимъ! Побѣда мистицизма имѣла послѣдствіемъ пораженіе мощнаго западно-европейскаго культурнаго вліянія, которое сто лѣтъ спустя окончательно завершилось крушеніемъ Флорентинскаго Собора и чрезвычайно рѣзкимъ развитіемъ раскола. Такимъ образомъ, Афонъ можно считать духовнымъ виновникомъ продолжавшагося до XVIII ст. постепеннаго окаменѣнія вліянія. Но тѣмъ больше была его слава какъ мистическаго обиталища православія“ (Gelzer, Vom heiligen Berge 28).

Съ завоеваніемъ Солуны турками въ 1430 г. Афонъ вступилъ въ новый періодъ своей исторіи. По особому договору съ папшамомъ,

Аеонъ, сохранивъ въ неприкосновенности свое внутреннее самоуправленіе, но зато онъ долженъ былъ платитъ ему ежегодную дань. Султанъ свято чтитъ установленія Аеона, и даже для защиты его поставилъ отрядъ солдатъ, которые не должны были пускать ни одну женщину на Святую Гору.

Вообще, этотъ вѣкъ былъ для Аеона эпохой бѣдствій, разрушенія и опустошенія. На мѣсто господствовавшего до сихъ поръ общиннаго, киновіальнаго управленія въ монастыри постепенно начала проникать *идіоритмія*, т. е. управленіе, признававшее за монахами цѣлый рядъ индивидуальных правъ, въ томъ числѣ право собственности. Это новшество весьма отрицательно отозвалось на матеріальномъ благосостояніи монастырей, и нѣкоторые монастыри обѣднѣли до такой степени, что ихъ монахи, въ погонѣ за подавнѣмъ, разбрелись по всему православному міру. Лавра, эта основная ячейка монашеской общины, не могла содержать больше 5 или 6 монаховъ, а отъ церкви и монастырскаго зданія Руссика въ 1626 г. остались только развалины. Параллельно съ матеріальнымъ обѣднѣніемъ шло и нравственное разложеніе монашеской общины: монахи безпрепятственно занимались торговлей, въ нѣкоторыя келіи были допущены монахини, между отдѣльными монастырями происходили кровавыя столкновенія. Къ этимъ раздорамъ присоединились скоро и національныя страсти. Въ теченіе XVI—XVII вв. греки систематически изгоняли славянъ, арабовъ и другихъ негреческихъ монаховъ со всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ мѣстъ и замѣняли ихъ своими соплеменниками. Въ результатъ этой шовинистической политики Иверскій монастырь, который еще въ XIV в. былъ грузинскимъ, сталъ теперь греческимъ; нѣкогда болгарамъ принадлежало четыре монастыря, теперь они владѣютъ только однимъ; русскимъ только въ прошломъ столѣтіи удалось отвоевать Пантелеймоновскій монастырь у грековъ, овладѣвшихъ имъ въ эпоху его упадка въ XVIII ст.

Нравственное паденіе монашеской республики сопровождалось тѣмъ же паденіемъ и умственнымъ. Это доказываютъ тѣ жалкіе споры, которые волновали умы въ монастыряхъ. Спорили, напримѣръ, о томъ, слѣдуетъ ли во время священнодѣйствія назначенный для панагін кусокъ хлѣба класть направо или налѣво отъ священника.

Поэтому по-истинѣ лучшемъ въ черномъ царствѣ была Аеонская Академія, основанная въ пятидесятихъ годахъ XVIII ст. Евгеніемъ Булгарисомъ. Эта Академія, построенная на восточномъ берегу полуострова по близости монастыря Ватопеда, имѣла своей задачей при-

мирить ученіе православной церкви съ результатами западно-европейской науки. Для этого въ учебную программу ея было введено чтеніе классиковъ и—horribile dictum!—изученіе новѣйшей философіи. Мало того, Булгарисъ завязалъ сношенія съ нѣмецкой наукой (въ Галле), и хотѣлъ пригласить оттуда профессора для своей Академіи. Нечего и говорить, какое огромное значеніе могла бы имѣть для Аеона дѣятельность Булгариса. Но, къ сожалѣнію, она показалаcя реакціонерамъ опасной, и школа была закрыта...

И нарочно изложилъ съ нѣкоторой подробностью исторію Аеона не только потому, что она вполне объясняетъ его исключительное значеніе въ исторіи средневѣкового Востока, но и потому, что уже она одна даетъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія вопроса о качествѣ, положительномъ и отрицательномъ, вліянія Аеона на духовно-зачарованные имъ народы. Какъ и теперь, такъ и въ древности Аеонъ представлялъ собой, въ сущности, монашескую республику, почти независимую отъ власти какого бы то ни было епископа и часто даже самого константинопольскаго патріарха. Пользуясь почти неограниченной автономіей въ дѣлахъ вѣшнихъ, эта монашеская община очень послѣдовательно проводила ея принципъ и въ своей внутренней организаціи. Несмотря на то, что въ ея составъ входило иногда нѣсколько сотъ монастырей, выбиравшихъ себѣ ежегодно своего рода президента—„прота“, она нисколько не стѣсняла самоуправленія отдѣльных своихъ членовъ. Благодаря этому, на Аеонъ стекались алчущіе и жаждущіе правды не только изъ среды грековъ, но и изъ среды всѣхъ народовъ православнаго Востока: здѣсь были и арабы, и сирійцы, и армяне, и грузины, и вlahи, и славяне. Особенно много, можетъ быть, не меньше, чѣмъ грековъ, было здѣсь славянъ. Причиной этого было счастливое географическое положеніе Аеона. Онъ находится на югѣ Македоніи, этнографически славянской странѣ даже въ настоящее время. А въ средніе вѣка она нерѣдко бывала принуждена признавать надъ собою и политическую власть болгарскихъ и сербскихъ царей. Неудивительно, что географическая близость Святой Горы, вмѣстѣ съ указаннымъ федеративнымъ устройствомъ ея: монашеской общины и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ и ригоризмомъ ея обитателей, не могли не привлекать къ себѣ тѣхъ изъ славянъ, которые желали посвятить себя созерцательной жизни, не отрекаясь ни отъ своего языка, ни отъ своей національности. Въ этомъ отношеніи Аеонъ